

RU

Лексические средства выражения негативной оценки в медиадискурсе о взаимоотношениях России и НАТО (на материале русского, английского и французского языков)

Демина О. В.

Аннотация. Цель исследования – выявить статистически значимые различия в плотности и типологическом составе лексических средств негативной оценки в русско-, англо- и франкоязычной традициях медиадискурса о России и НАТО. В статье рассматриваются ролевые семантические модели негативной оценки политических акторов и стратегии их языковой вербализации. Сопоставление трёх языковых традиций медиадискурса строится на количественных методах анализа (частотный анализ, критерий χ^2 , V Крамера), что позволяет объективировать выявленные межъязыковые различия. Научная новизна заключается в разработке и статистической верификации типологии из 19 ролевых семантических моделей негативной оценки, а также в установлении того, что межъязыковые различия локализуются на уровне ролевой концептуализации акторов, а не набора языковых средств выражения. Полученные результаты показали статистически значимую корреляцию между языком и семантической моделью ($\chi^2 = 73,11$; V Крамера = 0,278; $p = 0,00025$), тогда как формальные способы языкового выражения оценки подобной зависимости не обнаружили.

EN

Lexical means of expressing negative evaluation in media discourse on Russia – NATO relations (based on the Russian, English and French languages)

O. V. Demina

Abstract. The aim of the study is to identify statistically significant differences in the density and typological composition of lexical means of negative evaluation in the Russian-, English- and French-language traditions of media discourse on Russia – NATO relations. The article examines role-based semantic models of the negative evaluation of political actors and the strategies of their linguistic verbalization. The composition of the three language traditions of media discourse is built on quantitative methods of analysis (frequency analysis, the χ^2 test, Cramér's V), which allows the identified cross-linguistic differences to be objectified. The scientific novelty lies in developing and statistically verifying a typology of 19 role-based semantic models of negative evaluation, as well as in establishing that cross-linguistic differences are localized at the level of the role conceptualization of actors rather than in the set of linguistic means of expression. The results obtained have shown a statistically significant correlation between language and semantic model ($\chi^2 = 73,11$; Cramér's V = 0,278; $p = 0,00025$), whereas the formal means of linguistic expression of evaluation revealed no such dependency.

Введение

Статья посвящена сопоставительному исследованию лексических средств вербализации негативной оценки в русско-, англо- и франкоязычном медиадискурсе о взаимоотношениях России и НАТО. Актуальность настоящего исследования определяется несколькими взаимосвязанными факторами. Во-первых, период 2020-2026 гг. характеризуется беспрецедентной интенсификацией информационного противостояния в отношениях Россия-НАТО, что делает медиадискурс на эту тему одним из ключевых инструментов формирования массовых представлений о международной безопасности; язык в этих условиях выполняет не только репрезентативную, но и стратегическую функцию, а значит, его изучение приобретает значимость, выходящую за рамки собственно лингвистики. Во-вторых, современная аксиологическая и политическая лингвистика

испытывает потребность в переходе от преимущественно качественных, дискретных описаний оценочных средств к статистически верифицируемым моделям, позволяющим объективировать выводы и делать их сопоставимыми между языками; данная потребность отражает более широкий методологический сдвиг в гуманитарных науках в сторону эмпирически обоснованных, количественно подтверждаемых результатов. В-третьих, накопленный в политической и медиалингвистике опыт описания типологии оценочных средств нуждается в обобщении и систематизации на новом, сопоставительном и статистически обеспеченном уровне – без такого обобщения дальнейшее развитие сопоставительных исследований медиадискурса затруднено. Наконец, результаты подобного анализа имеют прикладную значимость для смежных областей – политологии, конфликтологии, теории международной коммуникации, а также для практики медиаграмотности и противодействия манипулятивным стратегиям в СМИ, что обеспечивает востребованность исследования не только в настоящем, но и в перспективе дальнейшей эскалации или трансформации данного информационного противостояния.

Для достижения цели исследования были определены следующие задачи: 1) создать трёхязычный корпус и разработать систему разметки негативно-оценочных средств; 2) установить абсолютную частотность и нормализованную плотность экспрессивно-негативных лексем из расчёта 1000 слов; 3) выработать типологию ролевых семантических моделей, выражающих негативную оценку; 4) определить статистическую достоверность межязыковых различий посредством критерия χ^2 Пирсона, коэффициента V Крамера и анализа стандартизованных остатков.

В состав исследовательских методов исследования вошли: контекстуальный анализ, применённый для установления эксплицитных и имплицитных способов выражения негативной оценки в конкретных контекстах; компонентный анализ, использованный для дифференциации семантических признаков оценочных единиц и распределения их по ролевым моделям; метод сплошной выборки материала, позволивший сформировать репрезентативный трёхязычный корпус; количественный анализ абсолютной частоты и нормализованной плотности, обеспечивший корректное сопоставление корпусов различного объёма; а также статистический анализ таблиц сопряжённости с применением критерия χ^2 Пирсона, коэффициента V Крамера (Cramér, 1946) и стандартизованных остатков (Field, 2017; Agresti, 2013), использованный для оценки статистической значимости межязыковых различий в распределении ролевых семантических моделей.

Исследовательский материал составил трёхязычный корпус аналитических и новостных публикаций за 2020–2026 гг., охватывающий 543 контекста (русский язык – 183, английский – 204, французский – 156), которые объединены общей тематикой российско-натовских отношений. Материал отобран из аналитических и новостных публикаций российских («Ведомости», «РБК», «Эксперт», «Россия в глобальной политике», «Международная жизнь»), англоязычных («The Economist», «Foreign Affairs», «The Guardian», «The New York Times») и франкоязычных («Le monde», «Le monde diplomatique», «Le Figaro», «Politique étrangère», «Challenges») изданий.

В качестве исходной рабочей гипотезы выдвигается положение о том, что русскоязычный, англоязычный и французский медиадискурсы заметно различаются по степени насыщенности негативно-оценочными контекстами и по специфике распределения ролевых семантических моделей при сохранении общего аксиологического ядра негативной оценки.

Теоретическую базу исследования составили труды в области аксиологической лингвистики, посвящённые категории оценочности и средствам её выражения (Арутюнова, 1998; Вольф, 1985; Марьянчик, 2013), работы в области критического дискурс-анализа, раскрывающие стратегии делегитимации политического оппонента (Dijk, 1998; Wodak, 2015), корпусные исследования медиадискурса о конфликте Россия – Украина (Salihoglu, Karatepe, 2023; Ilin, Nihmatova, 2023; Molek-Kozakowska, Dragomir, 2026), а также труды по политической метафоре и теории оценки (Чудинов, 2001; Lakoff, Johnson, 1980; Martin, White, 2005). Данные работы обеспечивают теоретико-методологическую основу анализа оценочной семантики, но не предполагают статистически верифицируемого сопоставления разноязычного материала (подробнее см. раздел «Обсуждение и результаты»). Таким образом, по-прежнему сохраняется исследовательская лакуна, обусловленная отсутствием трёхязычного корпусного исследования. Подобное исследование должно объединять нормализованный показатель плотности негативной оценки со статистическим анализом распределения ролевых моделей.

В качестве объекта исследования рассматривается негативная оценка как категория медиадискурса, посвящённого конфронтации России и НАТО. Предметом исследования выступают частотность, плотность и типологическое распределение средств выражения негативной оценки, а также специфика реализации ролевых семантических моделей в русскоязычном, англоязычном и франкоязычном медиадискурсе.

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что предложенная типология и полученные количественные показатели могут быть востребованы в работах по оценочной семантике, лингвоаксиологии, сопоставительному и корпусному языкознанию, а также в вузовских курсах, посвящённых этим направлениям. Достигнутые результаты могут служить основой при подготовке специалистов в сфере лингвистики, медиалингвистики и международной журналистики, а кроме того – при создании методик выявления, систематизации и мониторинга негативно-оценочных стратегий в трёхязычном медиапространстве.

Обсуждение и результаты

История изучения негативной оценки в политическом медиадискурсе включает несколько этапов, определивших аналитический аппарат настоящего исследования. Отправной точкой отечественной аксиологической лингвистики принято считать концепцию Н. Д. Арутюновой, которая определила оценку как отношение

субъекта к объекту по шкале «хорошо – плохо», и отмечала, что «между оценочным предикатом и объектом всегда стоит человек» (1998, с. 181). Указанное положение сохраняет аналитическую значимость при рассмотрении субъектно-объектной структуры оценки, однако само по себе не предоставляет средств для сопоставления материала на разных языках. Е. М. Вольф (1985, с. 15) конкретизировала данную модель, включив в состав оценки её мотивированность и зависимость от контекста, что послужило основой для контекстно-ориентированного подхода, применяемого в настоящем анализе. Пятикомпонентная модель В. А. Марьянчик (2020) уточнила эти положения применительно к медиаполитическому тексту, однако не была ориентирована на межъязыковое сопоставление, в связи с чем потребовалось дополнить её иным теоретико-методологическим инструментарием.

В качестве второй существенной для данной работы линией был избран критический дискурс-анализ. Представление Т. ван Дейка (Dijk, 1998) о дискурсивной оппозиции «свои – чужие», а также типология стратегий делегитимизации, предложенная Р. Водак (Wodak, 2015) и включающая номинацию, предикацию, аргументацию, интенсификацию, обеспечивают действенный аналитический инструментарий для выявления способов дискредитации политического противника. Однако этот подход не предусматривает количественного подтверждения межъязыковых различий, что и обусловило необходимость сочетания качественного и статистического методов в рамках настоящего исследования.

Третьим источником формирования теоретико-методологического аппарата стала «Теория оценки» (Appraisal Theory) Дж. Мартина и П. Вайта (Martin, White, 2005), в рамках которой проводится разграничение между эксплицитной и имплицитной, а также авторской и атрибутированной оценкой. Поскольку это разграничение было выработано преимущественно на англоязычном материале, оно потребовало эмпирической проверки на применимость к трёхъязычному корпусу, что и составляет одну из задач дальнейшего анализа. Наконец, теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, определивших сущность метафоры как «понимание и переживание явлений одного рода в терминах явлений другого рода» (Lakoff, Johnson, 1980, p. 5), в сочетании с концепцией А. П. Чудинова, согласно которой политическая метафора отличается высокой динамичностью и ситуативной обусловленностью, оставаясь при этом согласованной «с метафорической структурой основных понятий данной культуры» (2001, с. 4), обеспечили интерпретацию образных механизмов негативной оценки, имеющих ключевое значение для англоязычного и части франкоязычного материала. Д. Байбер, С. Конрад и Р. Реппен определили корпусный анализ как эмпирический метод, поскольку он “is empirical, analyzing the actual patterns of use in natural texts” (рус. пер. «он эмпиричен, так как анализирует реальные модели употребления в естественных текстах»), и заложили анализ частотности и распределения языковых единиц как способ описания структуры языка (Biber, Conrad, Reppen, 1998, p. 4), что послужило основанием для применяемых в настоящей работе показателей абсолютной частоты и нормализованной плотности. Т. Макинери и Э. Харди отметили, что “corpus linguists often compare two or more corpora” (рус. пер. «специалисты по корпусной лингвистике часто сравнивают между собой два и более корпуса») (McEnery, Hardie, 2012, p. 50), и систематизировали методы формирования и сопоставления корпусов различного объёма. П. Бейкер показал, что “corpus linguistics can act as a useful method of carrying out discourse analysis” (рус. пер. «корпусная лингвистика способна выступать продуктивным методом проведения дискурс-анализа») (Baker, 2023, p. 25). Этот тезис наиболее точно отражает методологическую специфику настоящего исследования, сочетающего количественный корпусный анализ и качественную интерпретацию негативно-оценочных стратегий.

Отдельную группу составляют корпусные исследования медиадискурса о вооружённом конфликте Россия – Украина. Так, Ш. Й. Салихоглу и Ч. Каратеппе применили к материалу BBC и AL Jazeera «количественный корпусный подход с использованием индексов и таблиц частотности для анализа распространённых лексических элементов» (Salihoglu, Karatepe, 2023, p. 1171) – методологически близкий инструментарий использован и в настоящей работе. И. Илин и О. Нахматова показали, что метафора «братского народа» в русскоязычном политическом дискурсе функционирует как инструмент «делегитимизации украинской государственности и отдельной этнической идентичности» (Ilin, Nihatova, 2023, p. 7). К. Молек-Козаковска и И.-А. Драгомир на материале польской прессы разработали типологию стратегий редакционной нейтрализации – «демистификация, делегитимизация и разоблачение» (Molek-Kozakowska, Dragomir, 2026, p. 364). Однако данные работы не затрагивают материал медиадискурса о взаимоотношениях России и НАТО и не предусматривают статистически верифицируемого трёхъязычного сопоставления.

Таким образом, представленный далее анализ опирается на изложенные теоретические положения и использует введённый понятийно-терминологический аппарат. Понятие *ролевой семантической модели* используется для обозначения типов аксиологической концептуализации политического актора; понятия *атрибутированной, эксплицитной авторской и имплицитной метафорической оценки* характеризуют стратегии её вербализации (Martin, White, 2005). *Аксиологическая структура оценки*, включающая субъект, объект, основание и характер оценки, служит основой для анализа отдельных контекстов (Арутюнова, 1999; Вольф, 1985; Марьянчик, 2020).

Единицей анализа выступает негативно-оценочный контекст – фрагмент медиадискурса, содержащий языковое средство негативной квалификации России и НАТО/Запада. Выбор контекста, а не изолированной лексемы, в качестве единицы анализа обусловлен тем, что, «включаясь в контекст, оценка характеризуется особой структурой, содержащей и ряд факультативных элементов» (Вульф, 1985, с. 15). Материал выделен методом сплошной выборки с последующей ручной разметкой всех 543 контекстов. Понимание единицы контекста как способа установить характеристики переменных, «такие, как их позитивная или негативная оценка» (Тичер, Мейер, Водак и др., 2009, с. 94), определило принцип ручной разметки.

Для обеспечения сопоставимости количественных показателей между корпусами различного объёма использовался показатель плотности негативно-оценочных контекстов, вычисляемый как число выявленных контекстов, приходящихся на 1000 словоупотреблений исходного текста. Расчёт осуществляется по следующей формуле: плотность = (число выявленных негативно-оценочных контекстов ÷ объём корпуса в словоупотреблениях) × 1000.

Применение нормализованного показателя плотности позволяет нивелировать влияние различий в объёме корпусов и обеспечивает корректность межъязыкового сопоставления.

Показатели нормализованной плотности негативно-оценочных контекстов приведены в Таблице 1. Максимальный показатель плотности приходится на русскоязычный корпус и составляет 22,79 контекста на 1000 словоупотреблений.

Таблица 1. Показатели нормализованной плотности негативно-оценочных контекстов

Язык	Объём текста (слов)	Количество негативно-оценочных контекстов	Плотность (на 1000 слов)
Русский	8029	183	22,79
Английский	67 328	204	3,03
Французский	43 757	156	3,57

Ввиду того, что объём анализируемых корпусов существенно отличается (от 8029 до 67 328 словоупотреблений), интерпретация точных значений плотности требует дополнительной статистической верификации. При сопоставлении корпусов различного объёма необходимо учитывать, обусловлены ли выявленные различия особенностями распределения негативно-оценочных средств или различиями статистической устойчивости полученных показателей. Для проверки надёжности рассчитанных показателей были определены 95%-ные доверительные интервалы плотности негативно-оценочных контекстов на основе пуассоновского приближения. Затем проведено попарное сравнение языков, а также применен тест на отношение интенсивностей (Poisson rate ratio test). Значения 95%-ных доверительных интервалов плотности приведены в Таблице 2.

Таблица 2. 95%-ные доверительные интервалы (ДИ) плотности негативно-оценочных контекстов

Язык	Плотность	95% ДИ, нижняя граница	95% ДИ, верхняя граница
Русский	22,79	19,72	26,35
Английский	3,03	2,64	3,48
Французский	3,57	3,05	4,17

Для оценки статистической значимости различий между языками были вычислены отношения интенсивностей (rate ratio), получены р-значения для каждой пары корпусов (Таблица 3). Применение данного критерия позволяет корректно учитывать различия в объёме корпусов, так как величина экспозиции (число словоупотреблений) непосредственно включается в статистическую модель.

Таблица 3. Попарное сравнение плотности между языками (тест на отношение частот)

Пары языков	Отношение частот (rate ratio)	р-значение
Русский vs английский	7,52	$9,5 \times 10^{-74}$
Русский vs французский	6,39	$5,4 \times 10^{-60}$
Английский vs французский	0,85	0,131 (не значимо)

Полученные результаты подтверждают статистическую достоверность выявленных межъязыковых различий. Доверительные интервалы русского корпуса не пересекаются с интервалами, рассчитанными для английского и французского корпусов. Тест отношения интенсивностей подтвердил существенные различия между русским и английским корпусами ($p = 9,5 \times 10^{-74}$), а также между русским и французским корпусами ($5,4 \times 10^{-60}$). При этом между англоязычным и франкоязычным корпусами существенных различий не обнаружено (rate ratio = 0,854, $p = 0,131$).

Таким образом, русскоязычный медиадискурс отличается высокой плотностью негативно-оценочных контекстов, тогда как английский и французский корпусы образуют статистически однородную группу по данному показателю.

В результате сплошного анализа 543 негативно-оценочных контекстов была разработана типология, включающая 19 ролевых семантических моделей, при помощи которых в русско-, англо- и франкоязычном медиадискурсе осуществляется негативная аксиологическая квалификация России и/или НАТО/Запада для участников геополитического противостояния. Каждая модель объединяет языковые средства, репрезентирующие определённый способ концептуализации политического актора независимо от конкретной формы его лексической реализации. Основанием для разграничения моделей стала общность их оценочной функции, а не принадлежность к конкретному типу тропов или языковых единиц.

Выделенные модели можно представить следующим образом:

1. Россия/НАТО как угроза – концептуализация политического актора как источника потенциальной опасности для международной безопасности и стабильности (*угроза, threat, menace*).

2. Россия/НАТО как агрессор – репрезентация политического актора как субъекта агрессивных действий, применения силы или инициирования военной эскалации (*агрессор, aggressor, agresseur*).

3. Россия/НАТО как дестабилизатор – представление политического актора как активной силы, подрывающей международную стабильность, нарушающей баланс сил или провоцирующей эскалацию (*дестабилизатор, destabilizing force, force déstabilisatrice*).

4. Россия/НАТО как нарушитель международного порядка – квалификация политического актора как субъекта, нарушающего нормы международного права, договорные обязательства и принципы международной безопасности (*нарушитель международного права, violator, violation du droit international*).

5. Россия/НАТО как инициатор эскалации конфликта – приписывание ответственности за усиление международной напряжённости и развитие конфликтной ситуации (*эскалация, escalation, escalade*).

6. Россия/НАТО как обманщик (лжец) – конструирование образа субъекта как источника ложной информации, манипуляции или намеренного введения в заблуждение (*обманщик, лгун, liar, menteur*). К данной модели относятся, например, высказывания типа: *лживый нарратив, бредятина; lied to their faces, ils ont triché, ils nous ont effrontément trompés*.

7. Россия/НАТО как хищник – метафорическое представление политического актора как опасной и агрессивной силы, действующей по законам хищнического поведения (*хищник, predator, prédateur*): *стратегия волчьей стаи, хищники рациональны по своей природе; the predator who menaces Greenland*.

8. Россия/НАТО как больной или разлагающийся организм – концептуализация политического актора с помощью медицинской метафоры, подчёркивающей кризис, деградацию или утрату жизнеспособности (*больной организм, moribund entity, organisme malade*): *прогрессирующий евросклероз, цивилизационный упадок; brain-dead, zombie alliance; mort cérébrale de l'OTAN*.

9. Россия/НАТО как марионетка (несамостоятельный актор) – репрезентация субъекта как полностью зависимого от внешнего центра принятия решений (*марионетка, puppet, marionnette*): *западные кукловоды, supplicants of Washington, landsknecht de l'Union européenne*.

10. Россия/НАТО как тиран (автократ) – приписывание субъекту авторитарного, диктаторского характера политического режима (*тиран, автократ; tyrant, autocrat; tyran, autocrate*): *автократия Путина, personalist autocracy, l'autocrate biélorusse*.

11. Россия/НАТО как провокатор – представление политического актора в качестве инициатора намеренных провокационных действий (*провокаатор, provocateur*): *главный провокатор конфликта, a straw-man argument meant to provoke*.

12. Россия/НАТО как лицемер – характеристика субъекта через несоответствие декларируемых ценностей и реального поведения (*лицемер, hypocrite, duplicité*): *двуличие союзников в НАТО, sycophantic praise, l'arrogance occidentale*.

13. Россия/НАТО как хулиган (задира) – репрезентация политического актора как субъекта, прибегающего к силовому давлению и запугиванию (*хулиган, bully, brute*): *поджигатели войны, nuclear bullies, American bullying*.

14. Россия/НАТО как шантажист (манипулятор) – представление субъекта как использующего угрозы, давление и скрытые формы манипулятивного воздействия (*шантажист, blackmailer, maître-chanteur*): *отвлекающий манёвр, своего рода взятка*.

15. Россия/НАТО как слабая или несостоятельная сторона – выделение военной, политической, экономической или институциональной слабости политического актора (*слабая держава, weak power, incompetent power, puissance faible*): *военная несостоятельность Европы, слабый европейский военно-промышленный потенциал; Russia's record at sea has always been weak*.

16. Россия/НАТО как циничный эксплуататор – репрезентация субъекта как извлекающего выгоду из конфликта или использующего других акторов в собственных интересах (*циничный эксплуататор, cynical exploiter; exploitateur cynique*): *попросту высасывают из неё ресурсы, exploiting Ukraine's shortages, une aubaine stratégique*.

17. Россия/НАТО как жертва – модель самопрезентации, в рамках которой политический актор позиционирует себя как объект внешней агрессии или несправедливого обращения (*жертва, victim, victime*): *Америка оказалась жертвой глобализации, мы уже в опасности; nous sommes les victimes de l'agression, pas les agresseurs*.

18. Россия/НАТО как дегуманизированный объект – репрезентация политического актора как лишённого человеческой субъектности, ценности или индивидуальности объекта, в том числе как расходного материала, инструмента или средства достижения политических целей (*дегуманизированный объект, dehumanized object, objet déshumanisé*): *«пушечное мясо», «расходный материал», cannon fodder; des gueux isolés*.

19. Россия/НАТО как неэффективный процесс – репрезентация дипломатического взаимодействия как безрезультатного, разрушенного или неспособность обеспечить урегулирование конфликта (*дипломатический провал, failed diplomacy, échec diplomatique*): *«камень преткновения», granted Russia strategic depth; un accord malmené /détricoté*.

Предложенная типология объединяет лексические и образные средства негативной оценки в единую систему ролевых семантических моделей. Её цель – выявить способы аксиологической концептуализации политических акторов. Такой подход даёт возможность провести сопоставительный анализ в едином семантическом пространстве, а затем дать статистическую оценку межъязыковым различиям в распределении ролевых моделей.

Модели 1-18 описывают политического актора с помощью приписывания ему определённой социальной или политической роли. Модель 19 характеризует состояние самого дипломатического процесса; она представляет его как неэффективный, безрезультатный или зашедший в тупик. Вместе с тем данная модель включена в общую типологию как предельный случай ролевой классификации. В количественном анализе она учитывается наравне с остальными моделями. Тем не менее её особый статус принимается во внимание при интерпретации результатов.

Одной из наиболее продуктивных ролевых моделей в исследуемом корпусе является модель **«Россия/НАТО как угроза»**. Данная модель встречается в 61 контексте, что составляет 12,9% от общего числа классифицированных примеров. Она выявлена во всех трёх языковых корпусах и реализуется с помощью различных средств вербализации (оценочная номинация, концептуальная метафора и атрибутированная оценка).

В русскоязычном медиадискурсе основным механизмом репрезентации данной модели является **атрибутированная оценка**, при которой отрицательная характеристика вводится через ссылки на высказывания официальных представителей государств и международных организаций. К примеру, генеральный секретарь НАТО М. Рютте называет Россию *«долгосрочной угрозой»* для Альянса: *«Мы... коллективно признаём Россию долгосрочной угрозой для территории НАТО»* (РБК, 08.07.2026). Сходная оценка содержится в высказывании, где Россия обозначается как *«наиболее серьёзная и прямая угроза нашему альянсу»* (Международная жизнь, 25.10.2025). Аналогичную характеристику даёт президент Чехии П. Павел, определяющий Россию как *«угрозу номер один»* (Международная жизнь, 18.12.2023). Во всех этих случаях оценочное значение передаётся только за счёт атрибуции. В результате редакция лишь транслирует позицию цитируемого лица, не присваивая её себе и сохраняя дистанцию от прямой авторской оценки.

В англоязычном медиадискурсе данная модель воплощается посредством **имплицитной метафорической концептуализации**. Например, журнал *“The Economist”* использует устойчивую идиоматическую метафору *“nuclear sabre-rattling”* (The Economist, 02.07.2024) / *«бряцание ядерным оружием»*, обозначающую нарастание международной напряжённости. Данный метафорический образ *«бряцания оружием»* актуализирует семантику демонстративной угрозы и готовности прибегнуть к силовому давлению, тем самым формируя отрицательную оценку действий политического субъекта. При этом оценочное значение выражено имплицитно: сама угроза не номинируется прямо, а реконструируется через образное описание поведения. В публикации *“Foreign Policy”* отрицательная оценка передаётся через зооморфную метафору: *“dangling meat in front of a tiger”* (Foreign Policy, 10.09.2025). / *«бразня тигра куском мяса»*. Образ тигра репрезентирует Россию как опасного и способного к агрессии хищника, тогда как «кусочек мяса» соотносится с действиями НАТО, которые могут вызвать ответное противодействие. В результате данная метафора не только формирует представление о российской угрозе, но и имплицитно критикует провокационную линию поведения Альянса. Ещё один пример – гиперболизированная природная метафора *“Category 5 hurricane of nuclear threats”* (Foreign Affairs, 24.07.2025). / *«ураган пятой категории ядерных угроз»*. Образ урагана наивысшей категории осмысляет ядерные угрозы как мощную и разрушительную стихию, подчёркивая их масштаб, силу и возможные катастрофические последствия. Гиперболизация обостряет имплицитно выраженную отрицательную оценку и создаёт представление о неконтролируемой эскалации. Следовательно, в англоязычном материале последовательно применяются усложнённые образные конструкции, которые подменяют собой прямую оценочную номинацию.

Во французском медиадискурсе совмещаются способы репрезентации, свойственные как русской, так и англоязычным моделям. При этом негативная оценочность нередко передаётся через атрибутированную оценку. Так, *“Le Figaro”* публикует заявление М. Рютте: *“Nous sommes la prochaine cible de la Russie, et nous sommes déjà en danger”* (Le Figaro, 12.12.2025) / *«Мы – следующая цель России, и мы уже находимся в опасности»*, в котором прямая цитата сочетается с метафорой *«цели»* (*“cible”*), дополнительно усиливающей представление о неизбежности угрозы. С другой стороны, в ряде публикаций негативная характеристика формулируется без ссылки на внешнего субъекта и, таким образом, представляет собой пример эксплицитной авторской оценки. Например, утверждение *“La Russie a ramené la guerre en Europe”* (Le Figaro, 12.12.2025). / *«Россия вернула войну в Европу»*. Другой пример основан на сочетании прямой номинации с исторической гиперболой: премьер-министр Польши заявляет, что Европа никогда не была *“aussi proche d’un conflit depuis la Seconde Guerre mondiale”* (Le Figaro, 29.05.2026). / *«столь близка к конфликту со времён Второй мировой войны»*. Апелляция к наиболее значимому историческому прецеденту европейской коллективной памяти существенно усиливает аксиологический потенциал высказывания.

Проведённый сопоставительный анализ позволяет выявить различные стратегии вербализации одной и той же ролевой семантической модели в трёх национальных медиатрадициях. Для русскоязычного медиадискурса характерно преобладание **атрибутированной оценки**, при которой негативная квалификация воспроизводится главным образом в форме цитирования официальных лиц. Франкоязычный медиадискурс сочетает атрибутированную оценку и эксплицитную авторскую, дополняя их отдельными метафорическими средствами. В англоязычных изданиях, напротив, значительно чаще вербальная экстериоризация происходит при помощи **имплицитной метафорической оценки**, в частности используются идиоматические, зооморфные и природные метафоры вместо прямой номинации угрозы. Тем самым одна и та же ролевая модель получает различные способы языковой реализации, отражающие специфику дискурсивных традиций, соответствующих национальных медиасистем.

Пределы применимости ролевой типологии негативной оценки

Разработанная типология охватывает 473 из 543 негативно-оценочных контекстов (87,1%), описывая основные способы аксиологической репрезентации отношений России и НАТО/Запада. Остальные 70 контекстов (12,9%) не включены в классификацию, так как объектом оценки в них выступают не политические акторы, а иные элементы медиадискурса.

К ним относятся: 1) метафоры политических процессов (*“open a Pandora’s box”* / *«открыть ящик Пандоры»*, *«загнать джинна перемен обратно в бутылку»*; *“cat and mouse game”* / *«игра в кошки-мышки»*); 2) метадискурсивные оценки (*«камень преткновения»*, *«мерить не той линейкой»*); 3) культурно-символические и интертекстуальные

оценки («переименовали Репина в “украинского художника”»); 4) оценочные номинации, адресованные третьи лицам (нем. заим. “*Putinverstehet*” / «*тот, кто понимает Путина*»). Дополнительно во франкоязычном корпусе стоит отметить метафоры статусной инверсии (“*dérouler le tapis rouge devant le PDG de Google*” / «*расстилать красную дорожку перед генеральным директором Google*»), риторические конструкции (“*à qui profite le crime?*” / «*кому выгодно преступление?*»), а также средства самооценки (“*ils auraient péché par naïveté*” / «*они допустили ошибку из-за своей наивности*») и встречной идеологической номинации (“*coalition russophobe*” / «*русофобская коалиция*»).

Данные примеры обозначают границы применения ролевой семантической типологии, согласно которой описываются политические акторы. Все же остальные случаи относятся к процессуальной, метадискурсивной, культурно-символической, статусной и рефлексивной оценочности и требуют отдельного анализа.

Количественные показатели даны в Таблице 4. Наиболее продуктивными стоит считать модели «**Агрессор**» (80 контекстов; 16,9%), «**Угроза**» (61; 12,9%) и «**Больной организм**» (57; 12,1%). В совокупности они встречаются в 198 контекстах (41,9%) и формируют ядро разработанной типологии.

Таблица 4. Типология и частотное распределение моделей негативной оценки в русско-, англо- и франкоязычном медиадискурсе о взаимоотношениях России и НАТО

№	Модель	Русский корпус	Англоязычный корпус	Французский корпус	Всего	%
1	Угроза	26	28	7	61	12,9
2	Агрессор	33	30	17	80	16,9
3	Дестабилизирующая сила	7	15	6	28	5,9
4	Нарушитель международного порядка	2	7	6	15	3,2
5	Инициатор эскалации	1	1	3	5	1,1
6	Обманщик/лжец	9	14	14	37	7,8
7	Хищник	6	2	2	10	2,1
8	Больной организм	12	21	24	57	12,1
9	Марионетка	13	5	2	20	4,2
10	Тиран/автократ	3	17	12	32	6,8
11	Провокатор	2	0	6	8	1,7
12	Лицемер	7	2	6	15	3,2
13	Хулиган/задира	1	5	1	7	1,5
14	Шантажист/манипулятор	6	9	3	18	3,8
15	Слабая сторона	15	13	16	44	9,3
16	Циничный эксплуататор	4	4	2	10	2,1
17	Жертва	1	0	0	1	0,2
18	Дегуманизация/овеществление	5	2	3	10	2,1
19	Дипломатический провал/безрезультатность диалога	5	5	5	15	3,2
	Классифицировано (19 моделей)	158	180	135	473	100
	Вне схемы	25	24	21	70	–
	ВСЕГО	183	204	156	543	–

Итоговые численные показатели высокой частотности данных моделей говорят о том, что негативная оценка взаимоотношений России и НАТО/Запада встречается чаще в следующих семантических доминантах: создание образа политического актора как **угрозы**, **агрессора** и **объекта внутренней деградации**. Именно эти способы концептуализации наиболее устойчивы и регулярно воспроизводятся во всех трёх языках.

Вторую по частотности группу составляют модели «**Слабая (несостоятельная) сторона**» (9,3%), «**Обманщик/лжец**» (7,8%), «**Тиран/автократ**» (6,8%) и «**Дестабилизирующая сила**» (5,9%), отражающие негативную оценку не только военно-политического поведения, но и морально-этических качеств, политического устройства и субъектности участников конфликта.

Статистическая проверка значимости межъязыковых различий

Для проверки связи между языком медиадискурса и распределением ролевых моделей была построена таблица сопряжённости 19×3 (Таблица 2) и применён критерий χ^2 Пирсона. Полученные результаты ($\chi^2 = 73,11$; $df = 36$; $p = 0,00025$) позволяют отвергнуть гипотезу о независимости признаков: распределение ролевых моделей статистически значимо зависит от языка. Коэффициент V Крамера (0,278) свидетельствует о связи слабой – умеренной силы.

Данный результат существенно отличается от анализа формальных способов выражения оценки (метафора, прямая номинация, ирония и пр.), где статистически значимой связи с языком не выявлено ($p \approx 0,15–0,36$). Следовательно, межъязыковые различия проявляются не на уровне языковых средств, а на уровне ролевой концептуализации политических акторов.

Анализ стандартизованных остатков выявил четыре статистически значимых отклонения ($|z| > 1,96$): модель «**Марионетка**» чаще представлена в русском корпусе (+2,44), модель «**Тиран/автократ**» – реже (–2,35), модель «**Провокатор**» чаще встречается во французском корпусе (+2,46), а модель «**Угроза**» – реже (–2,49).

Наиболее показательны первые два результата. Русскоязычный медиадискурс чаще делегитимизирует оппонента через лишение субъектности («кукловоды», «ландскнехт ЕС», «управляемые извне») и значительно реже использует модель «**Тиран/автократ**», которая в англо- и франкоязычных источниках адресована главным

образом российскому политическому руководству. Следовательно, выявленные различия отражают устойчивые особенности национальных стратегий негативной репрезентации политических акторов и подтверждают основную гипотезу исследования.

Три универсальные стратегии вербализации негативной оценки

Сопоставительный анализ 19 ролевых моделей показал, что, несмотря на разнообразие языковых средств, негативная оценка реализуется чаще с помощью трёх универсальных стратегий: **атрибутированной** (цитирование официальных лиц), **эксплицитной авторской** (прямая оценочная номинация) и **имплицитной** (концептуальная метафора). Выбор стратегии определяется прежде всего семантической природой ролевой модели, а не языком медиадискурса.

Институционально-правовые модели («Угроза», «Агрессор», «Нарушитель международного порядка», «Провокатор», «Жертва») реализуются в основном через атрибутированную и эксплицитную оценку, так как опираются на политико-правовую терминологию и официальные заявления, что придаёт оценке легитимность.

Образно-концептуальные модели («Хищник», «Марионетка», «Хулиган/задира», «Циничный эксплуататор», «Дегуманизированный объект») большей частью выражаются через концептуальную метафору, которая обеспечивает имплицитную и более экспрессивную негативную оценку.

Промежуточное положение занимают гибридные модели («Инициатор эскалации», «Шантажист/манипулятор», «Обманщик/лжец»), так как они допускают сочетание атрибутированной, эксплицитной и метафорической стратегий.

Следовательно, при всём многообразии языковых средств их функционирование соотносится с тремя ключевыми стратегиями выражения негативной оценки. Институционально-правовые модели получают языковое оформление посредством атрибутированной и эксплицитной оценки, тогда как образные модели реализуются в речи через метафорическую модель. Что касается смешанных или гибридных моделей, они способны объединять два и более способа языковой вербализации. Подобное распределение указывает на наличие прямой зависимости между семантическим типом ролевой модели и преобладающей стратегией её языковой репрезентации. Соответствующее распределение представлено в Таблице 5.

Таблица 5. Соотношение ролевых семантических моделей и доминирующих стратегий вербализации негативной оценки

Тип модели	Доминирующая стратегия	Примеры моделей
Институционально-правовые роли (угроза, агрессор, нарушитель порядка, провокатор, жертва)	Атрибуция / эксплицитная номинация	«Угроза», «Агрессор», «Нарушитель международного порядка», «Провокатор», «Жертва»
Образно-разоблачительные роли (описывающие поведенческие/моральные черты через перенос значения)	Имплицитная (концептуальная метафора)	«Хищник», «Марионетка», «Хулиган/задира», «Циничный эксплуататор», «Дегуманизация»
Гибридные роли	Смешанная	«Инициатор эскалации», «Шантажист/манипулятор», «Обманщик/лжец»

Трёхязычное сопоставительное исследование показало, что расхождения между русскоязычным, англоязычным и франкоязычным медиадискурсом связаны прежде всего не с составом ролевых моделей, который в целом является общим для всех трёх языков, а с тем, какие способы их языкового воплощения предпочитают. Для русскоязычного медиадискурса характерно доминирование атрибутированной и эксплицитной оценки, для англоязычного – имплицитной метафорической, тогда как франкоязычный дискурс объединяет все три стратегии и отличается наибольшей долей встречной атрибутированной оценки.

Заключение

Проведённое исследование даёт возможность сделать следующие выводы:

1. Сформирован трёхязычный корпус негативно-оценочных контекстов медиадискурса, посвящённого взаимоотношениям России и НАТО, объёмом 543 единицы: 183 – на русском языке, 204 – на английском и 156 – на французском. Создана единая схема кодирования негативно-оценочных средств, позволившая выполнить сплошную ручную разметку материала. По итогам разметки контексты были распределены по ролевым семантическим моделям и стратегиям вербализации.

2. Рассчитанные абсолютная частота и нормализованная плотность негативно-оценочных контекстов (на 1000 словоупотреблений) показали, что русскоязычный медиадискурс отличается наибольшей насыщенностью отрицательной оценки – 22,79 на 1000 словоупотреблений. Англоязычный и франкоязычный корпуса, напротив, формируют статистически однородную группу с заметно более низкими значениями. Выявленные различия подтверждены построением 95%-ных доверительных интервалов и попарным сравнением интенсивностей с использованием теста на отношение частот Пуассона.

3. Разработана типология из 19 ролевых семантических моделей негативной оценки, охватывающая 473 контекста, или 87,1% корпуса. Наиболее продуктивными оказались модели «Агрессор» (16,9%), «Угроза» (12,9%) и «Больной организм» (12,1%), которые в совокупности составили 41,9% всех типологизированных контекстов. Выделены также три универсальные стратегии вербализации ролевых семантических моделей: атрибутированная, эксплицитная авторская и имплицитная метафорическая. Установлено, что выбор стратегии

в первую очередь зависит от определенной семантической модели. Институционально-правовые модели выражаются, как правило, атрибуцией и прямой номинацией, образно-концептуальные модели вербализуются обычно при помощи концептуальной метафоры.

4. Количественный анализ ($\chi^2 = 73,11$; $df = 36$; $p = 0,00025$; V Крамера = 0,278) подтвердил статистически значимую корреляцию между языком и конкретной семантической моделью. Анализ же способов формального выражения оценки не обнаружил аналогичной зависимости. Иными словами, различия между языками проявляются прежде всего в том, как политические акторы концептуализируются на семантическом уровне. Наиболее заметные расхождения были выявлены в отношении модели «**Марионетка**» в русском корпусе, «**Тиран/автократ**» в английском и французском материалах, а также «**Провокатор**» во французском корпусе. Эти данные позволяют утверждать, что межязыковая специфика обусловлена в первую очередь различиями в способах ролевой интерпретации политических субъектов.

В то же время представленные выводы необходимо оценивать с учётом ряда методологических ограничений. Среди них – отсутствие унифицированного протокола ручной разметки, различный объём сопоставляемых корпусов, а также аннотирование, выполненное одним исследователем.

Дальнейшие исследования могут быть ориентированы на автоматизацию отбора материала на основе унифицированных языковых маркеров, на расширение типологии за счёт процессуальной, метадискурсивной, культурно-символической и статусной оценочности, а также на использование более узкоспециализированных статистических процедур, в частности многомерных методов анализа категориальных данных. Помимо этого, перспективным представляется расширение эмпирической базы путём привлечения новых языков и иных разновидностей медиадискурса.

Материалы исследования | Research materials

1. Ведомости. <https://www.vedomosti.ru/>
2. Международная жизнь. <https://interaffairs.ru/>
3. РБК. <https://www.rbc.ru/>
4. Россия в глобальной политике. <https://globalaffairs.ru/>
5. Эксперт. <https://expert.ru/>
6. Challenges. <https://www.challenges.fr/>
7. Foreign Affairs. <https://www.foreignaffairs.com/>
8. Foreign Policy. <https://foreignpolicy.com/>
9. Le Figaro. <https://www.lefigaro.fr/>
10. Le Monde diplomatique. <https://www.monde-diplomatique.fr/>
11. Le Monde. <https://www.lemonde.fr/>
12. Politique étrangère. <https://www.ifri.org/fr/>
13. The Economist. <https://www.economist.com/>
14. The Guardian. <https://www.theguardian.com/europe>
15. The New York Times. <https://www.nytimes.com/international/>

Источники | References

1. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1998.
2. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М.: Наука, 1985.
3. Марьянчик В. А. Аксиологическая структура медиа-политического текста: лингвостилистический аспект: дисс. ... д. филол. н. Архангельск, 2013а.
4. Марьянчик В. А. Аксиологичность и оценочность медиаполитического текста. М.: ЛИБРОКОМ, 2020.
5. Марьянчик В. А. Аксиологичность медиаполитического текста: лингвокогнитивный аспект: дисс. ... д. филол. н. Архангельск, 2013b.
6. Тичер С., Мейер М., Водак Р., Веттер Е. Методы анализа текста и дискурса. Харьков: Гуманитарный центр, 2009.
7. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. Екатеринбург: Уральский государственный педагогический университет, 2001.
8. Agresti A. Categorical Data Analysis. 3rd ed. Hoboken: Wiley, 2013.
9. Baker P. Using Corpora in Discourse Analysis. 2nd ed. L.: Bloomsbury Academic, 2023. <https://doi.org/10.5040/9781350083745>
10. Biber D., Conrad S., Reppen R. Corpus Linguistics: Investigating Language Structure and Use. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511804489>
11. Cramér H. Mathematical Methods of Statistics. Princeton: Princeton University Press, 1946.
12. Dijk T. A., van. Ideology: A Multidisciplinary Approach. L.: SAGE Publications, 1998.
13. Field A. Discovering Statistics Using IBM SPSS Statistics. 5th ed. L.: SAGE Publications, 2017.
14. Ilin I., Nigmatova O. The “Brotherly People” Metaphor and the Russian-Ukrainian Irredentist War: A Corpus-Based Study // Czech Journal of International Relations. 2023. Vol. 58. No. 2. <https://doi.org/10.32422/mv-cjir.504>

15. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. Chicago: University of Chicago Press, 1980.
16. Martin J. R., White P. R. R. *The Language of Evaluation: Appraisal in English*. L.: Palgrave Macmillan, 2005. <https://doi.org/10.1057/9780230511910>
17. McEnery T., Hardie A. *Corpus Linguistics: Method, Theory and Practice*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511981395>
18. Molek-Kozakowska K., Dragomir I.-A. Demystifying, Delegitimizing, Debunking: Discursive Editorial Strategies of Neutralizing the Rationales for Russia's Intervention in Ukraine // *Media, War, Conflict*. 2026. Vol. 19. No. 2. <https://doi.org/10.1177/17506352251314876>
19. Salihoglu S. Y., Karatepe C. Investigation of Online News about Ukraine-Russia War: A Corpus-Based Critical Discourse Analysis // *RumeliDE Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi*. 2023. No. 33. <https://doi.org/10.29000/rumelide.1279172>
20. Wodak R. *The Politics of Fear: What Right-Wing Populist Discourses Mean*. L.: SAGE Publications, 2015. <https://doi.org/10.4135/9781446270073>

Информация об авторах | Author information

Демина Ольга Вадимовна¹, к. филол. н.

¹ Российский университет дружбы народов, г. Москва

Olga Vadimovna Demina¹, PhD

¹ Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

¹ deptphilology@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 14.07.2026; опубликовано online (published online): 09.09.2026.

Ключевые слова (keywords): негативная оценка; трёхязычный корпус; ролевые семантические модели; стратегия языковой вербализации; медиадискурс Россия – НАТО; negative evaluation; trilingual corpus; role-based semantic models; strategy of linguistic verbalization; Russia-NATO media discourse.